

Автор - Ренарт Фасхутдинов, Санкт-Петербург (Россия).

ЭПОХА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА

Точка отсчета

Да, конечно, я знал, что прав: не гонялся за тем, что снится,
От добра не искал добра, в крепких лапах держал синицу,
Насмерть вкручивал все болты, зов дороги отправил к черту,
Потому что всегда был ты – для сравнения и отсчета.

В самой дикой лесной глуши, как последний осколок чуда,
Билась искра твоей души, ясно видимая отсюда.

И пока ты шагал во мрак, потаенные тропки визнавав,
Я работал не просто так, а как будто бы принял вызов.

Но теперь ты вернулся. Что ж, на чужбине и мед несладок.
Я гляжу, ты на диво тощ, на одежде полно заплаток,
А на смену льняным кудрям – темный волос, прямой и жесткий.
Сразу видно, тебя и впрямь часто гладили против шерстки.

Знаю-знаю, судьба слепа, в бедном сердце ни сил, ни страсти.
Хорошо тебя потрепал ненаглядный твой ветер странствий,
Выжал досуха, сдал в утиль, вынул душу, впечатал в глину.
И тогда ты свернул с пути, а иначе бы просто сгинул.

Не смотри на меня с тоской, это, в общем, неплохо даже:
В нашей маленькой мастерской наконец-то пошли продажи,
Веселится гончарный круг, за прилавком мелькают лица,
Словом, пара свободных рук обязательно пригодится!

Платим вовремя, а поверх – кружку светлого в день погожий.
Скоро выветрится, поверь, все, что въелось тебе под кожу:
Сок полынный, промозглый дождь, путевое ночное счастье.
Ты вернулся, ну что ж, ну что ж... Только лучше б не возвращался.

Августовское

Это лето было прекрасным, уверен первый.
Мы ходили в походы – палатки, костры, консервы,
Солнце снова нас прожарило до нутра.
Мы писали стихи, мы соседям трепали нервы,
Обрывая струны в четыре часа утра,

Нам стучали по батарее взамен оаций.
Мы готовы были куда угодно сорваться:
– А давай на денек в Карелию? – А давай!
Забирались в места, куда не стоит соваться,
Пропускали стаканы, работу, свой трамвай,

Поднимались на крыши – неважно, кто был зачинщик.
Там огромные звезды, там воздух светлее, чище,
Если встать на цыпочки, можно достать луну.
Это лучшее время для тех, кто чего-то ищет,
Убеждает первый, подтягивая струну.

Это лето было мучительным для второго:
За окном полуночный хор гопоты дворовой,
Сигареты, жестянки пива, пошел ты на...

А наутро в небе взрывается шар багровый
И вытягивает из мелкого полусна.

Не укрыться от голубей, зазывал, туристов,
На любом перекрестке пробка часов на триста,
От окрестных болот поднимается черный чад.
Самолеты взлетают, суда покидают пристань,
Лишь бы только в этом городе не торчать.

Никакой надежды – ртутный столбик все выше.
И не в том беда, что ты до кровинки выжат,
Просто летом не расслышать ни слов, ни нот,
Потому что музе в этом аду не выжить,
Говорит второй, отшвыривая блокнот.

Я иду по улице шумной, горячей, пестрой,
А со мною рядом братья мои и сестры –
Злые, добрые, в рот ни капли, навеселе.
На исходе августа вдруг понимаешь остро,
Что никто из нас не останется на земле.

Эти песни, стихи, проклятия, драки, споры
Слишком скоро закончатся, слышите, слишком скоро!
Так какая, к черту, разница, кто там прав?
Войско осени входит в уставший от лета город,
Занимает вокзалы, почту и телеграф.

Плейстоцен

Я вписан прочно в пейзаж окрестный
И знаю правила назубок —
Листаю ридер в вагоне тесном,
По понедельникам жду суббот.

Но если вдруг воротник все туже,
А зубы сжаты до ломоты,
Я закрываю глаза – и тут же
Наш мир становится молодым.

Вода прозрачная, камень твердый,
Огонь согреет и защитит,
Обрывок шкуры надень на бедра,
С голодным хищником не шути,

У красной ягоды горький привкус,
Зеленоватых не рви плодов,

Потрепlesh Серого по загривку —
И он оближет тебе ладонь.

Ты эти правила знаешь четко:
Ходи бесшумно, не верь врагу,
Остерегайся змеи с трещоткой
И зверя с пятнами на боку.

Сражайся насмерть за то, что ценно:
Подруга, племя, живой очаг.
Эпоха позднего плейстоцена —
Не время грезить о мелочах.

Здесь не бывает ни злых, ни добрых.
Здесь есть понятие «свой – иной».
И ты шагаешь, подтянут, собран,
Копье подвешено за спиной,

Четыре шрама на темном теле
И украшение из клыка...
Но между нами на самом деле
Не так уж разница велика.

Когда от долгого перехода
В коленях щелкает и хрустит,
Когда, отправившись на охоту,
Добычу верную упустил,

Когда от вони гниющей туши
Готово вывернуться нутро,
Ты закрываешь глаза – и тут же
Встречаешь питерское метро.

Олег Владимирович Пирсегерий

СП